

ФЕДОР ФЕДОРОВ
ИРИНА ВЯЗОВА

Ворчалю

Федор Федоров

Ворчалю

«Издательские решения»

Федоров Ф.

Ворчалю / Ф. Федоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504896-7

Хотите верьте, хотите нет, но в этих рассказах о Ворчале и его друзьях я ничего не придумывал. Я только описал то, что видел, либо то, в чем участвовал сам. И пусть вас не смущают непривычные названия, несуществующие имена и нереальные события, на самом деле всё вполне реально. Вы можете это проверить лет через пятьсот, шестьсот. (Там и встретимся).Целую всех женщин в фалду и жму руки всем мужчинам, ваш Федор Федорович.

ISBN 978-5-00-504896-7

© Федоров Ф.
© Издательские решения

Содержание

Ворчалю	6
Салат	6
БАМ	7
Подшивка Нивы	8
Аннушка	10
Поход	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ворчало

Федор Федоров
Ирина Вязова

Благодарности:

Дмитрию Ильину, Ольге Озеровой и Надежде Дыдышко

© Федор Федоров, 2019

© Ирина Вязова, 2019

ISBN 978-5-0050-4896-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ворчалю

*Писалось для друзей
и близких знакомых.
Все непонятное – им понятно.
Чтобы не запутаться, лучше не читайте.
Вслух.
Читайте про себя.*

2002 г

Если в первом акте на сцене висит ружье, то пусть себе висит тихонечко и не стреляет.

Салат

Интервью, взятое у прародителя Ворчалю в процессе написания этих рассказов.

Какова основная отличительная черта салата?

– *Отсутствие логики. Салатистость.*

Как Ворчалю готовит салат?

– *Мелко-мелко нарезает все, что попало под лапы, перемешивает, затем ест. И ожидает последствий.*

Какой салат Ворчалю считает самым вкусным?

– *Приготовленный из крайне не сочетаемых ингредиентов. (Ибо уверен: они внутри – смыкаются).*

Какое приключение могло бы оказаться для Ворчалю самым-самым?

– *Сложный вопрос... Даже и не знаю... Ну-у-у, скажем так... Стать бессмертным, поиграться с этим, а потом со спокойной совестью умереть.*

К какому виду живых существ относятся герои?

– *Никто не знает, а я не скажу.*

Могу только намекнуть: они не относятся к sapiens'ам.

Если возникнут еще какие-либо вопросы, а меня рядом не окажется, обращайтесь к Федор Федоровичу.

Он – поможет.

БАМ **(Байкало-Амурская Магистраль)**

Во времена, когда Ворчало еще учился в школе, были модны вечера поэзии. На эти вечера в актовЫй зал сгоняли всех старшеклассников и очередной «дежурный» класс читал со сцены патриотические стихи. Нравились такие мероприятия исключительно учителям, которым эти мероприятия тоже не нравились.

Так вот, на одном из таких вечеров, Ворчалу заставили выступить с литературным шедевром того времени перед своими одноклассниками (под угрозой двойки за четверть). Шедевр прошел все инстанции ценз-контроля и был одобрен лично директором школы.

Стихотворение состояло из ритмичных, как стук колес слов:

Бам! Это стройка века кричит!
Бам! Молодую кровь горячит!
Бам! Сердце юности в такт стучит!
Бам! Это наше время звучит!

\\ Далее еще пять похожих куплетов \\.

После помпезного объявления номера, Ворчало подошел к микрофону и обвел глазами зал. Зал во все глаза смотрел на него. Ворчало громко и четко произнес:

БАМ!

И от волнения напрочь забыл текст первой строчки...

– Ничего страшного! – подумал Ворчало – продолжу дальше, как ни в чем не бывало! (Вторую строчку он помнил хорошо). С выражением наш герой рыкнул в микрофон начало второй строчки:

БАМ!

И тут же вспомнил первую строчку. Ему показалось, что стоит начать все с начала. После небольшой паузы Ворчало начал читать стихотворение сначала, и громко продекламировал:

БАМ!

Заинтригованный зал замер в ожидании... Кто-то на последнем ряду уронил карандаш. И опять чертова первая строчка вылетела из головы! Смутившись вконец, Ворчало не стал больше испытывать судьбу, поклонился и покинул сцену. Зал разорвался овациями. Такого успеха эта сцена никогда не видела!

Когда, наконец, зал удалось уговорить, и следующий выступающий продолжил мероприятие, учительница литературы подошла к Ворчале за сценой и поинтересовалась, зачем он ЭТО сделал. Ошарашенный успехом Ворчало, честно ей все рассказал. Услышав исповедь, Клавдия Ивановна залилась безудержным и звонким смехом. Пять минут зал слушал соло своей учительницы. Литературный вечер был сорван окончательно.

С тех пор Ворчало навсегда перестал декламировать стихи и занялся сочинением песенок под гитару, без претензий на поэтичность и патриотизм.

Подшивка Нивы

Декабрьская метель разыгралась не на шутку. С небес сыпало и сыпало, словно там продырявился хрустальный свод, вывалив на землю весь запас снега перемешанного с ветром. А ведь солнце могло бы и пригреть, сумеет оно пробиться сквозь белую круговерть.

Ворчало в такую погоду любил, развалившись на диване, почитать что ни будь. Но согласитесь, и среди Вас мало кто сможет валяться и читать, читать и валяться, более двух-трех дней. Таким образом, несмотря на пристрастие к дивану, серьезное чтение наскучило Ворчале на второй день. Телефон беспрерывно молчал, испугавшись непогоды. Сложившись, все вышеописанные факторы создали в нашем герое странное состояние «никакого настроения». Ни плохого, ни хорошего. И вот этакий «нейтральный» Ворчало, неестественно спокойный, неоправданно медлительный, пошел и погрузился в ванну, пытаясь сменой среды обитания вывести себя из транса.

Не помогло.

Сидя в кресле и разложив полукольцом хвост для просушки, бедолага попробовал посмотреть телек.

Не помогло.

Отчаявшись, наш герой взяв в лапы подшивку журнала «Нива», рассеянно залистал. Пожелтевшие от времени страницы переворачивались с каким то особым ощущением в лапах. Сия странность присущая только «Ниве» была замечена Ворчалой давно.

Взгляд неожиданно задержался на...

«Электрический дилижанс (рис. На стр. 79).

При устройстве трамвая, большая доля расходов падает на прокладку рельсового пути. Рельсы чрезвычайно удорожают стоимость сооружения, и поэтому мечтой техников было устроить такой электрический трамвай, который легко и свободно двигался бы без рельсов. Нынче эта мечта осуществлена: в Дрездене благополучно ходит электрический дилижанс, имеющий лишь проволочные провода над собой, но вполне обходящийся без рельс. Путь ему указуют лишь эти провода, передающие ему двигательную энергию...»

Ворчало повеселел. Заметка опубликованная в январе 1903 года показалась ему забавной. Естественно, следующие страницы подсыхающий Ворчало изучил более внимательно. Особо его заинтересовало объявление в разделе рекламы:

«Книгоиздательство Б. К. Фукса. Киев, Прорезная ул. №23. Телефон №1243.

Открыта подписка на иллюстрированное собрание сочинений ВИКТОРА ГЮГО в 24 томах. Редакция и вступительная статья П. И. Вейнберга.

Подписная цена 8 руб. За пересылку в пределах Европ. России и Кавказа – 2 руб.»

– «Хм, недорого.» – пробурчал Ворчало, задумчиво разглядывая потолок. – «Попробую заказать».

Каждый хвостолоп делает глупости. Ну и что такого? Вы уверены, что не делаете? Я, лично, уверен – делаю! И с удовольствием. Потому как их у меня еще есть. Закончатся с возрастом (поближе к старости). С какой стати тогда Ворчале мешать?

Пусть на здоровье делает! Вы не против? Ну, вот и ладушки, договорились.

*Давай, Ворчалю, действуй!
Вперед!*

Отделившись от дивана и устроившись в кресле за столом, наш герой набрал 1243. В трубке неестественный голос заявил:

– Неправильно набран номер.

Ворчалю погладил макушку кончиком хвоста и сообщил паяльнику на столе:

– Это ж в Киеве! Значит нужен код! Международный код Киева! У меня есть. В компе!

Следующий набор дал результат: сначала пикнуло, потом так треснуло в ухо, что у Ворчалю зазвенело в голове, затем милый женский голос (сквозь звон) промолвил:

– Слушаю.

– Девушка, это Киев? Мне нужен номер 1243! Как набрать?

– Я вам не девица какая то! Я вам барышня! Нашли, тоже мне девицу! Что такое «набрать»? Грибы что ли собираете? Какие все же господа безграмотные и неучтивые бывают! Так вам 1243?

– Да, да, барышня! 1243!

– Соединяю.

– Щелк, щелк, трык. Издательство Фукса на проводе.

– Дев... то есть барышня! Я по поводу Виктора Гюго!

– Изволите заказать?

– Да! Да! Изволю! Непременно! Очень сильно изволю!!!

– Потрудитесь сообщить мне ваш адрес.

– Москва, Ивантеевская, 10, Ворчалю!

– Я записала. Бандеролии придут с наложенным платежом. По два тома.

– Спасибо! Буду ждать!

– Благодарствую за заказ, об отсылки телеграфируем. Трах! Трык! Бабах!!! Би-би-би.

Ужасно довольный Ворчалю торжественно положил трубку на рычаги и массируя правое ухо гордо посмотрел на форточку.

А Вы знаете, что самое интересное в этой незамысловатой истории?

Да то, что через пару недель Ворчалю пришла заказная бандероль за 115 евро, в которой имели место два тома Виктора Гюго. Правда бандероль пришла из Франции и тома оказались прижизненным изданием с золотым обрезом на французском языке, отпечатанные в 1878 году в Париже. Дата отправки бандероли так же была странна: «Одна тысяча восемьсот семьдесят девятого года, января, числа пятого».

Зато издание было с великолепными гравюрами.

По видимому то ли Ворчалю что-то напутал, набирая номер, а скорее всего на линии сбой получился. Так что теперь Ворчалю поимел возможность разглядывать гравюру с изображением Эсмеральды и видеть её точно такой, какой видел свою героиню Виктор Гюго.

(Внешность танцовщицы оказалась не в Ворчалюном вкусе).

Аннушка

Политзанятия для нормального летчика – мероприятие недостойное и муторное. Ненормальному, понятное дело, все одно: принудительное обучение или град в Африке. Политзанятия придумали специально, чтобы служба мёдом не казалась.

Роль в этом месяце свое отлетал. Крайнюю неделю можно бы просто отдохнуть: попить пивка с приятелями, съездить на природу, на худой конец – погулять с хвостопалочкой. Да мало ли чем можно заняться в свободное от войны время?!

Но...

Это «но» всегда как кость в горле!

От селёдки.

Ма-а-аленькая такая косточка, но до чего же противная!

Костью в горле для Роля – политзанятия. Только время зря тратить!

Удачно улизнув из класса, якобы в туалет, Роль решил сбежать и крался по коридору в сторону свободы. И когда впереди замаячила дверь, прямо перед мордой возник Комэска:

– А! Роль! Хорошо, что ты здесь! Выручай, я уж и не знаю, что делать! Проверяющие прилетели. С проверкой. Утром. Напроверяют тут – мало не покажется! Батя бледный бегаёт, злой! Обещал всем хвосты накрутить! Мне поручил комиссию культурным досугом отвлечь. Пока незаметно подметут, травку покрасят, заборы помоют. Надо их на рыбалку свозить. На сутки. Пока то да сё. Повезешь комиссию. Батя выдал ящик водки и ящик пива! Для культурного отдыха...

– Я столько не выпью! – закручинился Роль, поняв, что влип.

– А тебе и нельзя! Ты повезешь! Без тебя выпьют, я лично прослежу. Пока то да сё... Сопровождать буду. Лично! Давай бегом на двенадцатую стоянку, там Аннушку готовят, а я побегу воздух подписывать. Потом мухой на метео,ознакомишься и меня там жди, мне ещё к Бате надо. Вылетаем в пятнадцать ноль-ноль. Ну, чё стоишь? Времени в обрез!

– Я на Аннушке всего один раз летал. Год назад. И то пассажиром, за редиской. Суслик сажал, я не притронулся! Я даже не знаю, где там триммера-то! А Суслик? Его хозяйство, пусть и летит! Я машину не знаю! Пусть Суслик... Давай я его найду? Мигом!

– Суслик уехал! Вернется через неделю. Как назло! Сам, дурак, отпустил! Кто ж знал! И Димыч с ангиной валяется, все одно к одному! Жрёте мороженое! Не слушаетесь! Короче, лететь некому, полетим мы с тобой. Все! Без разговоров! У меня на Аннушке тридцать два часа налета, по хозделам, половину в кабинке присутствовал – справимся!

– Ну и лети! Я-то зачем?

– Не умничай! Ты давай поменьше тут! Я что – разрываться там? Я тебе что! Честь, это самое, эскадрильи боевой нашей – неважная? Или как?

– Ладно. Понял. Только я предупреждаю: я на Аннушке...

– Технаря возьмем. Пока то да сё... Он подскажет, какие ручки дергать на взлете. Всё, всё, всё! Потом! В воздухе разберёмся, беги!

Роль сидел в кресле второго пилота и, прищёпывая губами, старался прочитать затертую табличку на приборной панели, определяя назначение непонятного тумблера. Рубашка – узлом, морда небритая. На левом командирском сидении в замасленной газетке – недооженный пирожок с капустой. Прочитать никак не удавалось: буквы стерлись! Роль машинально покрутил пипку на штурвале – пипка отвалилась. На внутренней стороне заглушки, похожей на пипикалку от Запорожца, нацарапано: «НАКРУТИ СЕБЕ НА НОС!»

В салон под шумным лаповодством Комэски загружались ящики с культурной программой, закуски и удочки. Комиссия, выпятив животы и поблескивая большими звездочками, важно ожидала в тени крыла. Наконец суета улеглась, и все залезли в зеленое раскаленное чрево Аннушки. Комэска просунул потную морду в пилотскую и удивился срывающимся шепотом:

– Чеэто в правое забрался? А ну, марш налево! Сейчас технарь прибежит, ты его командиром посадишь?

– А ты?

– Я с комиссией! Понимать надо! Их бросать нельзя! Пока то да сё... Они этого не любят!

– Володя! Я не знаю, где тут что! Я даже движок... Я с пропеллерами не летал! Я перехватчик!

– Знаю! Чеорешь! Неприятностей захотел на мою голову от комиссии? Пока то да сё... Сам перехватчик! Сам истребитель! Не будешь слушаться – истреблю! Навсегда! Ты у меня лед-чиком станешь! Лед колоть на ступеньках РСР-7 будешь! Пока то да сё... Давай запускай! Вон видишь, справа? Это зажигание. Магнето, мать его так. Да нет! Вверху! Запускай давай! Жми кнопку, пусть раскрутится! Горючки сколько взяли?

– Полные.

– Хорошо, пригодится!

– Ну, я пойду, разлить надо, а то душно, запарились, небось, п р о в е р я ю щ и е! Ты поаккуратнее на взлете, не тряси, а то водку расплескаешь. Неэтично.

– Ну ладно! Шут с вами! Я предупредил!

Движок, дымнув, запустился с пол-оборота. Удивительно неудобно расположена РУД. Получается все наоборот: левой лапой – за ручку, то есть за штурвал, а правой – РУД! Ну, все наоборот!

В кабину снова засунулся неугомонный Комэска:

– Давай! Выруливай! Поехали!

– А технарь где?

– Кто его знает! Опоздал! Нету технаря. Давай-давай, не томи, жарко в салоне! – от Володи явно пахло свежесъеденной водкой.

Роль матернулся сквозь зубы и резко поддал обороты. Аннушка мило пискнула лонжеронами и вприпрыжку покатила по рулежке.

– Какая у этой ласточки взлетная?

– Кажется, пятьдесят, а может, и больше... Ты придержи, на всякий случай посильнее разгони, а там, глядишь, и взлетим... Пока то да сё... Вот и выяснится, какая у неё взлетная... Полосы хватит, полосы – сколько хошь. На десять взлетов хватит. Не МИГ. Вот и катайся себе, пока не взлетим.

– А шасси не отвалятся, хорошо прибили?

– Не отвалятся, не бойсь, р е з и н о в ы е. И имей в виду: они не убираются! А то уберешь еще, не знаючи... Потом как назад? Ничего не убирай! Вообще ничего! Не трогай! Не знаешь – не лапай! Понял?! Ну, я пошел, поаккуратнее тут! Не редиску везешь – начальство!

– Парашюты у всех есть?

– Какие парашюты! Ты че! У неё максимальная – двести! А может, и меньше. Двести она, пожалуй, не сможет... Только ты не вздумай! Больше ста ни-ни! Это приказ! Вот тут скорость показывает, давай-ка я тебе черточку намазую. Да притормози ты, не тряси, дай нарисовать! Чтобы стрелка за эту черточку ни-ни! Пока то да сё... А то мало ли, еще... И крен не более сорока! Понял? И кверху животиком она не летает! Не положено!

– Ну да?!

– Ей Богу!

– У-у-у!

На исполнительном Роль разогнал движок, удерживая машину на тормозах, и с удивлением заметил: она потихонечку катится. А по идее должна стоять как вкопанная.

«Ну да ладно, неважно. Значит, так надо», – подумал он и резко отпустил тормоза. Аннушка не рванулась вперед, вдавив в кресло, как ожидалось, а медленно и кокетливо принялась разгоняться, игриво повиливая хвостиком. В правом кресле что-то фиолетово шевельнулось. Ролю сквозь надсадное урчание двигателя послышался испуганный мявк.

– Глюки! Пошли вон! Я занят! Я взлетаю!

Глюк, мявкнув еще разок, пушисто и гордо исчез.

Взлёт прошел успешно, если не считать, что по диагонали. Роль впопыхах забыл посмотреть, на какой скорости. Аннушка сама взяла да и взлетела. Без предупреждения.

Дальше – проще: места знакомые, высота небольшая, землю видно отлично, скорость – курам на смех. В приборах разбираться не хотелось, и так неплохо получалось – летали же наши деды вообще без приборов! Малая высота и незначительная скорость имели свои неоспоримые преимущества.

Роль расслабился и отдался созерцанию.

Нечеткие желтые пятна на теле земли, ничем не примечательные и такие привычные с высоты стратосферного полета, сейчас вдруг оказались небанальными подсолнечными полями, разглядывающими его тёмными глазками своих вызревающих серединок.

Глазки кокетливо подмигивали.

Он тоже подмигнул.

Кокетливо.

Два раза.

Через пару часов блаженства, подлетев к озеру, Роль прошел над лугом, высматривая место для посадки. На всякий случай даже пальнул из ракетницы через специальную дырку в борту и, посмотрев, как сигнальная ракета зарылась в грунт, принял решение садиться. Чиркнув колесиками по траве, Аннушка приземлилась так же, как и взлетела – самостоятельно, без проблем.

«Какая нежная птичка!» – с восхищением подумал Роль и, остановившись поближе к берегу, оглянулся в салон.

Салон спал.

Комэска – сидя на откидной скамеечке, предусмотрительно пристегнувшись. Полковник – на чехлах, в хвосте. Ну и так далее... В привязанных веревками (!!!) ящиках явно недоставало трети от первоначального количества.

Дух стоял – я те дам!

С подобострастной отеческой заботой проверив, хорошо ли пристегнут Комэска (вдруг во сне тукнется головкой о переборку), Роль разделся и отправился искупнуться.

Вода – прелесть! Травка – еще лучше!

И снова: вода – травка, вода – травка!

ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!!!

Но... одиноко.

Хотя – так даже веселее! Если принюхаться к цветочкам.

Вернувшись и заглянув в алюминиевое нутро, Роль выяснил: комиссия проснулась и пьёт. Закусывает и пьёт. Пьёт и закусывает.

Володя пил не отстегиваясь! Сообразительный! По глазам видно. Сказать не может, а понимает всё! Как Каштанка. Муму.

«Не буду мешать», – подумал Роль и отправился погулять по берегу озера.

Один.

Эх, Аннушка, Аннушка!

Пили – ненадолго засыпая – до вечера.

Вечером допоздна пили.

Комэска, мало понимая, что происходит, приказал Ролю разбудить его на утренний клев. Строго-настрого приказал! Насколько это вообще было возможно в его состоянии. Роль – проникся и, отгородившись от шумной компании дверцей пилотской кабины, скрючившись в неудобном кресле, попытался уснуть.

Сон приходил рваными кусками и ненадолго. В очередном забытии Роль видел себя, парящим между облаками с Аннушкой. Они, раскинув дюралевые лапы-крылья, медленно кружились, то приближаясь, то удаляясь. И только он прилачился, только приблизился, только собрался поцеловать...

Наступил рассвет – прямо на пропеллер, торчащий перед мордой. Вот-вот и выкатится светило.

Роль, разминая кости, подошел к Володе и, встряхнув его за плечо, рявкнул в ухо:

– Подъём! Вставай! Зорька! Подъём!

Комэска, приподняв опухшие веки, пристально посмотрев на озеро через иллюминатор, перевел остекленелый взгляд на Роля и камышитовыми губами прошептал:

– Не клюёт.

Усталые веки захлопнулись, голова упала в небытие.

Потом пили и закусывали, закусывали и пили. Безвылазно, безобразно много пили.

Возвращались вечером. Могли бы еще порыбачить, но неожиданно кончилась водка.

Полет проходил нормально и спокойно. Удочки лежали посередине салона, аккуратно связанные. Рыбаки обошлись без них. Точнее, даже и не вспомнили. Недосуг.

Роль задумчиво рулил. По-иному и не назовешь. Не пилотировал, а именно р у л и л! Томно и лирично. Попутно он лялякал песенку про «подсолнечное поле». В кабину ввалился полковник и заплетающимся языком выдал:

– Смир-на! Ик.

Роль сделал вид, что вытянулся, продолжая управлять самолетом.

– Почему, ик, не пристегнут?! Замечание тебе! Звание? Ик. Должность?

– Капитан, летчик-перехватчик первого класса, виноват, исправлюсь! – отчеканил Роль, поспешно пристегиваясь к креслу.

– Как, ик, бочку делать?

– Левую педаль – вперед, баранку – вправо! – пошутил Роль.

– Отд-ать упр-авление! Мине!

И – совершенно неожиданно для Роля – полковник вдавил левую педаль до упора, завалив штурвал вправо. Аннушка резко клюнула носом влево, как бы оглядываясь на свой хвост, уронила правое крыло, задрожала, стараясь честно выполнить дурацкую команду, и зависла. Секунду она соображала, как поудачнее свалиться в штопор, но, передумав, присела на хвост, скабрировала пару раз и, успокоившись, победно продолжила полет с недопустимым креном на правый борт. Роль, автоматически выровняв машину, удивленно посмотрел на полковника. Полковник, задрав указательный коготь вверх, изливал:

– Ты, каптан салага! Неправильно, ик, сказал! Видал?! Так не ле-ик-тают! Бочку не так делают! – И вдруг как заорет: – Смирна-а-а!

Одновременно он выполнил фигуру высшего пилотажа – бочку. На удивление, Аннушка безропотно и чисто крутнулась. Роль получил по морде консервной банкой, заменяющей

пепельницу первому пилоту. Окурки, попорхав по кабине, приземлились кто куда. Стоял непроницаемый туман из пепла. В этом тумане материализовалась опухшая рожа Комэски.

– Таварищчь полковник! Разшите обртиться!

– Обра-ик-шайся!

– Таварищчь полковник! Че у нас. У вас. Происходит. Ило. Пыраизошло, мать его так?

– Не видишь?! Учю, ик, твоего капитана! Летать!

– А-а-а-а! Разшите докласть!

– Нок-ик. Накладывай!

– Ваш зам. по пролитике, скатываясь с потолка, прицепился щекой к удочке!

– От-ставить! Ик! Выплюнуть!

– Невозможность! Крючками! Три штуки! На шуку!

– Сейчас, ик, разберемся! – полковник попытался резко встать. Ремни, спружинив, отбросили его в кресло. Полковник, вращая глазами, повторил попытку.

– Таварищчь полк-овник! Рюкзак-то скиньте! Пока то да сё... Снимите его, к свиньям собачачим! С ним плохо бегать!

Ошарашенный происходящим, Роль вцепился в штурвал, мотая головой и отплеываясь от пепла. Аннушка, брезгливо подрагивая и взвизгивая движком, обиженно фигачила неизвестным курсом. Посмотрев на гирокомпас, прикрученный провололочкой к торпедке перед лобовым стеклом, летчик перевел взгляд на приборную доску. Гирокомпас уверенно показывал: курс – триста тридцать пять, штатный – сорок семь! РК, настроенный на дальний привод, весело болтал стрелкой в секторе не менее сорока градусов! Получалось, если всему этому верить, то можно лететь: хочешь – на восток, хочешь – на север. Все равно получится правильно! А надо лететь на юг! Как быть? Роль покрутил башкой. Впереди и слева, примерно на десяти тысячах, встречным курсом шли два борта в паре. Инверсионные следы четко, как стрелы, пересекали небо. Роль прикинул по времени: не иначе – Савин и Морозов. Домой идут из зоны. У них сегодня ФС. А вот на каких машинах? Значит, позывные неизвестны. Плохо. Надо попробовать выяснить. Послушаем. Если повезёт – услышу. Времени маловато, еще минут пять – и след размоется в небе.

И всё.

Молчат, гады! А тут хоть пропадай! И стемнеет скоро! Нужно действовать!

Роль развернулся, на глазок пристроился параллельно следу и засек показания гирокомпаса. Поправка получилась небольшой, минус восемь градусов. Если это Мороз, тогда порядок: через тридцать минут – речка, по ней – до поселка, а там лапой подать! А если не Мороз, тогда заблудился. Скандал! Это надо же! Стыд-то какой! Засмеют! Поди объясни про гирокомпас, Аннушку, бочку и полковника!

Роль переключил РСИУ на канал «Байконура-Крайнего» и, поправив гарнитуру, спросил:

– Мороз! Ответь!

– Кто в Новогоднем эфире?

– Я.

– А-а! Понятно. Теперь отгадай, кто я.

– Елочка?

– Не-а! Не попал!

– Снегурочка?

– Теплее!

– Мороз – Красный Нос?

– Отгадал!

– «Крайний» всем бортам! Прекратите посторонние разговоры в эфире! Накажу!

- Накидываем кнопку!
- Понял!

В эфире разразился сплошной треск. Все, кто находился в воздухе и на земле, срочно накидывали кнопки. Всем было интересно, о чем собирается секретничать эта парочка. Роль понимал: конфиденциальности – никакой, поэтому губу не раскатывал, а вот «Крайний» накинуть кнопку не мог! По техническим причинам. Бе-бе-бе!

- Мороз, Роль. Ответь!
- Говори, слушаю.
- Домой идешь?
- Да.
- Меня видел? Я на Аннушке.
- На радаре видел борт. Семь минут. На тысяча триста. Это ты?
- Я.
- Тебя как туда занесло?
- Комиссию на рыбалку возил.
- Ну и как? Наловили?
- Ага, два ящика!
- Мы подлетаем. Времени в обрез. Говори, что надо.
- Каким курсом проходил меня?
- Сто семьдесят. Плукаешь?
- Нет, все пучком, РК-7 барахлит, спасибо. До связи!
- Ну-ну. Барахлит, говоришь? Забегай ко мне, у меня лещ есть!
- Лещ – это вещь! Забегу! Жди!
- Ты давай не пустой забегай!
- Понял.
- Ну все, пока, а то я уже на четвертом!
- Мягкой!
- Спасибо!
- Эй, на шхуне! – ввязался кто-то в разговор. – Где лещ водится? Можно присоседиться?

У меня коньяк есть. «Варцхе»!

- Давай! – ответил Роль.
- А меня! – запросил густой и хриплый бас.
- А ты кто такой?!
- Я – спирт! Полтора литра!
- Заходи! Ну, кто еще? С тортом!
- Зачем вам торт?
- Для веселости!
- Хорошо, приду с тортом и девочками.
- Девочек побольше! И покрупнее! – подметил Бас.
- Извращенец!

Кто-то тенором заголосил:

– Всем, всем, всем! Кто слышит! Сегодня в двадцать два ноль-ноль у Мороза! Вход только по предъявлению пузыря!

- А наземным службам можно?
- Сколько вас?
- Не больше пяти.
- С метео Аня Степаненко будет? – торопливо встрял Роль.
- Будет.
- Тогда ждем! Только медичек не приводите!

– Поняла.

Роль не стал дослушивать и перешел на свой канал: все равно лавинообразный процесс уже невозможно было контролировать.

Душа у Роля пела. Ура, ура, ура! Расчеты и догадки верны! Лечу правильно! Можно расслабиться и приступить к созерцанию окружающих красот. Если, конечно, пассажиры – асы всех времен – чего-нибудь еще не отчубучат. Но сегодняшняя ночь будет как награда. И первый тост – за Аннушку!!!

Посадка прошла по всем правилам и согласно писаным и неписаным инструкциям. Правда, по диагонали. Боковым ветром сдуло. Не рассчитал. Вернее, даже и не рассчитывал. Расслабился. Замечтался!

«Нда-а-а! Вот те и политзанятие!» – подумал Роль, пробегая по коридору в сторону свободы.

Впереди маячила дверь.

За дверью – Аннушка в легком летнем платьице!

Красавица!

Аннушкой авиаторы ласково называют АН-2.

Комэска – командир эскадрильи.

Остальное – неважно.

Поход

Представьте себе: вас разбудил будильник, ну, где-то около пяти, и с размаху, не проснувшись, вы шагнули в раннее утро. Тогда, возможно, почувствуете на себе, как мне хотелось спать! Спать хотелось ужасно. Однако ничего не поделаешь, раз уж проснулся, надо продолжать делать задуманное, запланированное, назначенное и, может быть, даже предрешенное силами, нам не ведомыми. Одним словом, надо. Есть такое слово – «надо». Хотя есть еще и такое слово, как «хочу». Или более подходящее для данного случая – «не хочу». Впереди двадцать дней в лодке, в палатке, в лесу, у костра. Романтика... Чтоб ей пусто стало... То есть, пусто было. То есть, как это правильно сказать?

Турбазовская лодочная станция располагалась в небольшой заводи. Несколько лилий, сбившись в кучку, тыкались в противоположный берег.

Безветренно.

Зябко.

Тихо.

И чертовски красиво.

На маленьком дощатом причале безмолвно и сонно топталась половина группы. Та половина, которая отправлялась в лодочный поход впервые, поэтому нервничала и пришла пораньше. Вторая половина, состоявшая из «бывалых» путешественников, подтягивалась еще полчаса. Стандартная ситуация для начала любого лодочного похода. Хвостолapy загружали лодки рюкзаками, продуктами и другой дребеденью. Уже просматривались лидеры, трудяги и лентяи. Пока неярко, но все же выделялись суетливые и шумные пылевглазапускатели. На этот раз народ подобрался в возрастном диапазоне от шестнадцати до пятидесяти. Что с ними делать – известно только Богу. Как сколотить команду, когда характеры, взгляды, привычки и все остальное, уже только по возрастному цензу находятся на противоположных полюсах? А если не получится команды, значит, будет не поход, а сплошная склока и нервотрепка. Необходима была цель, при достижении которой у группы не останется времени заниматься всякими дрязгами. Нужно, чтобы все, дружно, очень захотели чего-то одного: большого и гладкого, зеленого и загадочного, блестящего и круглого, но обязательно труднодоступного. Тогда все будет в порядке.

Первый симптом несовместимости проявился при распределении по лодкам. Кто-то с кем-то не хотел в одну лодку и, наоборот, в другую пытались пристроиться столько желающих, что лодка могла просто затонуть. Пришлось вмешаться и волевым решением рассадить хвостолapy более-менее равномерно.

Итак, ранним утром, немного поскандалив, моя группа из шестнадцати обитателей турбазы «Лисицкий Бор», включая меня, разместившись на четырех лодках, отправилась в двадцатидневный поход вверх по реке – кормить комаров, в поисках приключений, романтики и другой дряни.

Махать веслами в течение дня – удовольствие весьма сомнительное, особенно если без привычки. Во-первых, у всех участников сразу появляются мозоли, в-третьих, казалось бы, не очень утомительное занятие выматывает народ так, что к вечеру никто уже ничего не сообщает, и следующий день также можно считать пропавшим. Зная это, я действовал по давно отработанной схеме и поначалу давал группе минимальную нагрузку.

Через пару часов лодки уже шли ровно и не кидались из стороны в сторону, как курицы. Трудяги в лодках постепенно начинали понимать, что нужно, а чего вовсе и не обязательно делать, чтобы продвигаться вперед.

Обед решили не проводить, подзакусили на ходу, зато пораньше стали на прикол. С небольшими разборками из серии «кому что делать» поставили палатки, собрали и напилили

дров, приготовили шикарный ужин из макарон и тушенки. К вечеру разлеглись у костра. Началось самое замечательное время баек, душистого чая, гитары и комаров величиной с собаку.

Вот тут-то я и решил начать свое черное дело по глобальному и беспрецедентному обману пятнадцати индивидуумов, очень разных, еще незнакомых, но уже интересных. Подловив момент, когда возникла неожиданная и томная пауза, я, звонко прикончив комара на своей щеке, предложил народу одну легенду, услышанную мною от местных жителей. (Эту легенду мне действительно рассказала Баб Ньюра, прожившая в Лисицком Бору все свои девяносто три года, в качестве благодарности за проделанную мной работу по починке не вовремя забарахлившего самогонного аппарата.)

Разомлевшие хвостолapy с радостью согласились внимательно меня выслушать.

Потрескивали сухие ветки. Искры улетали вверх, к вершинам черных елей. Световой круг от костра ограничивал мир. Рядом, в темноте, угадывалась невидимая живая река. Я неторопливо, с долгими, но оправданными паузами, начал свой рассказ.

Случилось это в далекие, далекие времена, когда родной прабабушке Баб Ньюры от роду было всего десять лет, и она, беззаботная и босолапая, бегала со своими подружками купаться в реке. В те времена деревня Лисицкий Бор была небольшой, но с зажиточными дворами. Нужды её жители не испытывали, книг не читали, в политической жизни царства-государства не участвовали. Все необходимое они получали от земли, реки, леса и пастбищ своим трудом – и этим были счастливы.

Но вот однажды из Городни пришла дурная весть. Весть принесли два монаха, которые на лодке плыли вверх по реке и остановились на ночлег в деревне. Монахи рассказали, мол, на Городню идет войско: «мечами звенят – пощады не жди». Монахи везли в лодке святыи книги, золото, серебро и каменья драгоценные, чтобы спрятать все это в тайнике, известном только им, от налетчиков кровожадных. Они всегда так делали, когда над Городней нависала напасть. Переночевав, монахи ранним утром уплыли. Жители деревни попрятались в домах и стали молиться.

То ли молитвы помогли, то ли то, что Лисицкий Бор располагался на другой стороне реки, но злая участь обошла поселок стороной.

В Городне же порезали всех. Не помогли даже каменные стены церкви, которую построили городенцы. Всего неделю продержались они за её крепкими, белокаменными стенами. Прошел слух, что это сам Царь-Государь Иван ходил с войском по землям и наказывал подданных своих за непослушание. Так ли было или со страху ввали хвостолapy – неизвестно. И монахи те, говорят, сгинули. И тайну свою унесли в могилу.

Я замолчал.

Длинную паузу прервал Володя:

– А тайник нашли?

Галка выкатила свои огромные глаза и почему-то шепотом ответила:

– Сказали же тебе: унесли с собой в могилу!

– Тайник?

– Да не тайник, а тайну!

– Значит, тайник остался? И где-то сейчас есть? И мы плывем по Волге там же, где плыли монахи?!

В темноте, со стороны реки, зашуршало. Все притихли.

– Ну ладно, хватит. Пора спать, завтра снимаемся, – заявил я и отправился в свою палатку. Народ не сразу последовал моему примеру. Они еще долго сидели у полупотухшего костра и о чем-то шептались.

«Пусть созревают», – подумал я и с чувством исполненного долга уснул.

Утром оказалось: хвостолapy за ночь неожиданно быстро созрели. Это проявлялось в прекрасной организованности при решении насущных бытовых проблем. Все были предупредительны и крайне доброжелательны друг к другу, без напоминания хватались за любую работу. В глазах у каждого горел загадочный огонек. Создавалось впечатление, что группа – единый организм. Честно говоря, я не ожидал такой быстрой реакции, но все равно искренне порадовался.

Меньше, чем за час, мы позавтракали, свернули лагерь, упаковались в лодках и дружно замахали веслами. На следующей ночевке, вечером, разговоры у костра постоянно вертелись вокруг легенды о городенских монахах. Каких только предположений я не услышал. Среди них были и весьма разумные. Степаныч, по-видимому, самый мудрый среди нас, поделился своими догадками. Он, как оказалось, неплохо знал историю здешних мест. В его гипотезу о местонахождении клада входили все известные ему факты о тех временах и нравах. Он считал, что вполне можно допустить существование нетронутого клада. Весомость аргументов не только окончательно доконала мою группу, но и меня самого несколько смутила. После его выступления Галка заерзала, закатила глаза и предложила наплевать на поход и завтра же утром срочно отправиться по следам монахов, и немедленно найти тайник.

Возникла тяжелая пауза. Все, не мигая, смотрели на меня.

Я встал, поправил косынку на шее и очень важно и серьезно заявил:

– Согласен.

Народ взвыл от счастья.

Итак, цель была определена, осталось разработать детальный план и неукоснительно ему следовать. Я не вмешивался. В конце концов, какая разница между походом и экспедицией? Все равно комаров придется кормить, веслами махать, да и трасса экспедиции к тайнику совершенно случайно совпала с ранее намеченным походным маршрутом. Но про это, кроме меня, никто не вспомнил. Им не до того: они собрались искать клад, остальное – неважно.

Искать тайник решили на территории заброшенного старинного монастыря. (Там удобнее разместиться с лагерем: и родник рядом, и лес под боком, и небольшая речка есть. Орша.) Развалины монастыря находились километрах в трех от Волги и в двух днях ходьбы на веслах от того места, где мы сейчас стояли.

Через полтора дня, к обеду, мы прибыли к точке разгрузки. Представляете, с какой скоростью мы плыли? Лодки спрятали, вытащив на берег. Быстро перекусив, напялили рюкзаки и дружно отправились к монастырю, несмотря на жару.

Ближе к вечеру, хорошо пропотев, мы благополучно добрались до монастыря.

Нам открылась грустная картина.

Развалины всегда грустная картина.

Храм сохранился лучше остальных построек. Вся площадь, занимаемая монастырем, когда-то была обнесена каменным забором, построенным, по-видимому, в более поздние времена. Забор огораживал территорию примерно триста на триста метров. По углам угадывались небольшие башенки. Храм стоял в центре этого четырехугольника. Остальные постройки либо вообще отсутствовали, либо были в таком состоянии, что трудно было догадаться об их назначении. Свалив рюкзаки в кучу, мы все зашли в храм.

Вам знакомо ощущение невесомости, когда после длинного перехода снимаешь рюкзак?

Не идешь, а подпрыгиваешь.

Правда, необычное ощущение?

Из трапезной через дыры видно небо. Купол над алтарем сохранился. Каменная лестница винтом ковыляла на остатки от колокольни. Кое-где на стенах виднелись небольшие фрагменты фресок, но понять сюжеты – невозможно. Кругом мусор, полусгнившие деревянныешки, вывернутые из стен камни.

Хвостолпы разбрелись по развалинам. Никто не высказывался. Не ожидали... Грустно все это...

Лагерь поставили за территорией, недалеко от родника. Ребята притащили сухое дерево и распилили его. Дров теперь должно хватить на пару дней. За ужином, естественно, разговор крутился только вокруг монастыря. Степаныч считал: монахи не дураки и наверняка устроили тайник не на территории монастыря, но и не слишком далеко. Остальные согласились и готовы были облазить все окрестности в поисках клада.

Пусть изучают родимый край, от этого, кроме пользы, никаких последствий не предвиделось.

Родимый край в радиусе двух километров изучился довольно быстро. Никаких намеков на тайник обнаружено не было. Степаныч говорил, что клад в любом случае должен быть отмечен каким-то знаком, который обязан пережить века, чтобы дойти до нас... А как по-другому? По-другому никак! По-другому попробуй найти этот клад!

Значит, знак – нелапотворный.

Причем хитрый и неприметный.

Например, какой-нибудь большой камень.

– А на нем надпись: «Налево пойдешь...» – пробурчал Володя.

Камня, естественно, не нашли. А также не нашли вообще ничего, хоть как-то указывающего на наличие тайника. Зато нашли беличий домик в дупле. Пушехвостая хозяйка совсем и не испугалась незваных гостей и даже проявила некоторое любопытство и участие. Блестящие, умные глазки смотрели на ребят и о чем-то говорили. Очень важное и нужное.

Знать бы этот язык, понять бы...

Наградив белку сухариками, ребята оставили её в покое. А может она сама так решила, и оставила их в покое? Как знать?

Вечером засиделись допоздна. Луна, белоликая красавица, расстелив серебристые волосы нам под лапы, смотрела, не мигая, на монастырские стены. Идея посетить монастырь в такой неурочный час с моей помощью родилась сама собой.

Ну и поперлись.

Сдуру.

Чем ближе мы подходили к храму, тем тише себя вели. В результате в храм не вошли, а проскользнули незаметными теньями. Сбившись в кучку посередине трапезной, шепотом стали выяснять, на кой ляд мы сюда притопали. Неожиданно Галка тихо пискнула и молча стала тыкать лапкой в сторону одной стены. Мы посмотрели на стену и тоже хором тихо пискнули. Небольшая часть стены светилась неяркими зелененькими точками. Точки были разбросаны совершенно хаотично и напоминали звездное небо. А вот границы явления были строго определены. Метр на полтора, причем вверху – полукругом.

– Что делать? – спросил меня Семеныч.

Извечный русский вопрос... Как трижды прав Классик, затронувший в своих размышлениях русскую душу и бытие бренного тела! Вы что?! Это же не из той оперы! Пардон, пардон, большие не буду... Мешать... В одну кучу...

– Так что же делать?

– А ничего, – ответил я. – Утро вечера мудрочнее. То есть, ну, в общем, умное утро. Всегда. Завтра разбираться будем.

– А может, выковырнем одну звездочку ножиком? – предложил Володя.

– А вдруг она радиоактивная? – мимоходом заметил я.

Все пискнули еще раз.

Нет, и все-таки, как трижды прав...

Тихо и осторожно, стараясь ни до чего не дотрагиваться, мы вернулись восвояси. Догоревший костер шевелился седым мерцающим пеплом. После перенесенного стресса наши палатки показались уютными и безопасными. Мы молча разбрелись.

Утро на самом деле оказалось вечера мудренее. После завтрака хвостолapy весьма серьёзно занялись подготовкой к исследовательской экспедиции – изучать светящуюся стену, и, захватив с собой все, что только представилось возможным захватить, отправились в приключение.

В храме – порядок. Все на своих местах. Никаких намеков на ночные звездочки. Каменная кладка стены ничем не отличалась от остальных стен. Только на ней не сохранилась штукатурка. Камни были голые. И никаких светящихся точек. Это нас не смутило: очевидно, свечение можно заметить только в темноте! Собственно, изучать-то было нечего. Ничего необычного или интересного. Камни как камни. Степаныч решил выворотить один из них и забрать с собой, а потом, на работе, подвергнуть детальному исследованию.

На том и порешили.

Выворотить оказалось не так-то просто. Наши предки умели строить (не то, что некоторые). Разозленный неподдающимся камнем, Володя, в сердцах, со всей дури ахнул по нему обухом. Камень неожиданно легко юркнул в стену. Вместо него открылась черная дыра. Володя заглянул в дыру.

Темно.

Из дыры пахнуло прошедшими веками. Ребята облепили дыру, как тараканы.

– Это клад! – уверенно заявил Степаныч.

Дальше все происходило как во сне, только очень быстро и даже, можно сказать, судорожно. Дыра расширялась на глазах и скоро превратилась в проем размером метр на полтора, вверху – полукругом.

Вход в тоннель! *Не точно!*

Вход в подземный ход! Не красиво!

Таинственное начало чего-то! Длинно!

Забодал ты меня! Отстань! *Понял, пробуй сам.*

Дыра, обложенная каменной кладкой, резко уходила вниз!

Ну вот! Теперь дыры ходят. Сами. Пешком...

На коротком производственном совещании с единственным пунктом «Что делать?» мы решили вернуться в лагерь и отдохнуть.

Извечный русский вопрос... Как трижды прав Классик...

Впрочем, об этом я уже...

Вот вам и здрасте! Вот вам и баба Нюра! (Ответ классику.)

После обеда, прихватив большой пустой рюкзак для золота и серебра, фонарики, длинную веревку, мы отправились в монастырь. Я стал спускаться в подземный ход первым. Девчат решили оставить наверху. Мало ли что...

В затылок сопел Володя.

Ход – длинный.

Пройдя около двадцати метров, я остановился.

Жутковато.

Звуки голоса мгновенно затухали, такое впечатление, как будто говоришь в вату.

Впереди, кроме каменной кладки уходящего вдаль тоннеля, ничего не видно.

Володя – прямо в ухо:
– А вдруг там скелеты лежат?!!

Все.

Устал.

Уже ПЯТЫЙ час пошел!

Скоро рассвет...

Тихо-то как!

Пойду, поджарю блинчики. Знаете, такие полуфабрикаты продаются. «Блинчики с мясом» называются. А то титилинские сосиски надоели до невозможности.

Итак, продолжим. С новыми силами.

Володя – прямо в ухо:

– А вдруг там скелеты лежат?!!

Я вздрогнул.

– Ну, да... И зубами щелкают. Посвети-ка лучше вот сюда. Видишь?

– Вижу.

– Смотри, головкой не стукнись. Головку беречь надо...

– Я думал, в подземном ходе сверху капать будет.

– Да пригнись ты! А то думать нечем будет!

– Что это? Железяка какая-то... Ржавая.

– Дай посмотрю. Ладно, потом разберемся, пошли дальше.

– Ну, вот и пришли...

Нас остановил завал. В этом месте свод рухнул, образовав вверху нишу. Вернее, рваную полукруглую щель.

– Тащи лопату.

Остаток дня мы расчищали завал. Это была серьезная работа. Участвовали все, даже женщины. Я командовал.

К вечеру вымотались так, что на посиделки у костра никто не остался. Быстро поужинали и завалились спать. На следующий день завал был окончательно расчищен, и мы продолжили путешествие по подземному ходу. Кончались батарейки для фонариков. Остался только один свежий комплект, пришлось экономить. Попробовали факел – не получилось, без вентиляции от дыма некуда деваться. Неудачный эксперимент отбросил наши исследования еще на один день. Пока проветривалось.

Зато появилась возможность нормально отдохнуть и спокойно осмыслить происходящее. Нас волновал вопрос: куда ведет ход. Когда экспериментировали с факелами, удалось добраться до следующего завала. Он находился довольно далеко, расчистить его трудно, а может быть, и невозможно: нет нужного инструмента, не в чем выносить землю, а самое главное – проблема с освещением. Длина подземного хода до второго завала (по моим замерам) – двести тридцать семь шагов. Это приблизительно сто десять метров. Ход не был прямым, он плавно поворачивал то влево, то вправо, поэтому представить, куда он направлялся, – сложно, только примерно. Весьма примерно. Я знал: достичь заветной цели нам не удастся. Мы были не готовы. Но и резко останавливать ребят – нечестно. У нас же еще есть время – несколько дней.

Проблема за проблемой! Мы старались найти выход. Но «выход» постоянно ускользал. Был только вход. И то не тот! (См. В. Высоцкий. Песня.) Я понимал, какой удар хватит всю мою группу, когда станет очевидной наша несостоятельность. Когда все поймут, что клад уплыл прямо из-под носа! Ведь вот он! Еще чуть-чуть – и бери – голыми лапами!

Пора было переключать ребят.
Назрело время «Русалок».

Однажды на турбазе, оказавшись по какому-то делу на кухне, я увидел, как повара чистили огромных рыбин. Чешуя от них тоже была огромная. Я раньше такую никогда не видел! Это меня поразило, и я, на всякий случай, набрал себе суперчешуи. Что с ней делать, тогда еще не придумал. Но потом мне пришла в голову мысль: наверное, именно такую чешую я видел только на русалках. И стал дурить голову всем желающим: мол, имею чешую, которую собрал в том месте, где русалки на дереве сидят! А где именно – не признавался. Кто-то верил, кто-то нет, но веселились все.

Так вот.

Я решил провести операцию «Русалка».

Недалеко от нас (очень кстати) протекала маленькая речка Орша. Дождавшись, когда лагерь уснет после тяжелого трудового дня, я сбегал к речке и, выбрав там, недалеко от воды, подходящее дерево, насыпал под ним чешуи. В самом лагере, около входа в продуктовую палатку, сделал то же самое. В палатке же все перекопал и навел беспорядок. У костра тоже насыпал чешуи и раскидал печенье и конфеты, надкусив их. Налив в кружки чай, расставил эти кружки вокруг костра, предварительно испачкав края помадой. Потом, раздув угли, подложил дров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.